

Евразия, евразийство, Евразийский Союз ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЕЛЫ И СОВПАДЕНИЯ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 366
Июль 2015 г.

Марлен Ларюэль¹
Университет Джорджа Вашингтона

Ученые и СМИ склонны рассматривать запуск Владимиром Путиным проекта Евразийского Союза в 2011 году как победу идеологии «евразийства». Данная аналитическая записка исследует взаимосвязь между понятиями «Евразия», «евразийство» и проектом Евразийского Союза. В своем анализе автор надеется отразить тот факт, что между идеями, идеологиями и доктринами с одной стороны, и политической, институциональной и экономической динамикой с другой стороны может не существовать прямой или причинно-следственной связи.

Термин «Евразия» вошел в широкое употребление в основном из-за отсутствия более привлекательной альтернативы. Он удобным, хотя и довольно интуитивным образом обозначает историческое пространство России и ее «периферий». Термин этот несет в себе определенную презумпцию, поскольку он предполагает хотя бы минимальное географическое, если не геополитическое единство между бывшими постсоветскими странами (или, по крайней мере, между некоторыми из них). Он также содержит фундаментальную терминологическую двусмысленность: обозначаемое им пространство можно воспринимать как *и Европу, и Азию*, а можно как *и не Европу, и не Азию*. Первоначально «Евразия» являлась чисто географическим термином, обозначающим страны, расположенные на Евразиатской тектонической плите, т.е. термин этот распространялся и на Европу, и на Азию. Даже в узком смысле «и не Европа, и не Азия, а пространство России и ее соседей», данный термин все равно вызывает дебаты о том, какие страны являются евразийскими, а какие не являются.

Несмотря на свои недостатки, этот термин вытеснил слово «постсоветские» во многих академических и международных организациях Северной Америки,

¹ [Марлен Ларюэль](#) – профессор международных отношений и директор Программы среднеазиатских исследований в Университете Джорджа Вашингтона

Европы и Азии в тех случаях, когда необходимо обозначить постсоветское пространство без коннотаций советского наследия. Парадоксальным образом термин «евразийский» иногда применяют как в отношении России *вместе* с новыми государствами, так и в отношении новых государств *отдельно* от России. В последнем случае к термину «Евразия» добавляют прилагательное «центральная», и применяется он в таких случаях для обозначения всех «нерусских» культур - как внешних (Средняя Азия, Южный Кавказ, Монголия), так и внутрироссийских (культуры Северного Кавказа, Татарстана, Башкирии и Сибири).

Евразия и евразийство как множественные понятия

В русском языке одно и то же слово – «евразийский» - может обозначать и географическое понятие, и идеологическую концепцию единства региона. Аналогичным образом, слово «евразиец» может применяться как к жителю Евразии или ребенку от смешанного европейско-азиатского брака, так и к стороннику идеологии евразийства. Со времени зарождения данной идеологии в начале 1920-х годов в ее рамках появились термины «евразийство» (в качестве абстрактного понятия) и «евразионизм» (в качестве доктрины). Имеется также семантический потенциал для появления термина «евразизм», в который будет вкладываться какой-то отдельный смысл – но на данный момент этот термин еще не вошел в употребление.

Существует огромное количество разных вариантов идеологии евразийства – от классической версии, предложенной отцами-основателями в 20-х и 30-х годах прошлого столетия, до версии Льва Гумилева в советские времена и нео-евразийских идеологий (в т.ч. той, которую продвигает печально известный геополитик Александр Дугин, являющийся одним из ведущих идеологов обновленной фашистской доктрины). Развал Советского Союза породил еще больше новых вариаций на тему евразийства. Они присутствуют не только в нынешней России, но и в других постсоветских странах, особенно в Казахстане, где один такой вариант стал официальной доктриной государства, которое позиционирует себя в качестве перекрестка Востока и Запада, Европы и Азии, России и Востока. В Российской Федерации можно также обнаружить многие варианты нео-евразийства. К примеру, в автономных республиках некоторые политические фигуры и группы исследователей выработали свои собственные, местные версии нео-евразийства, которые ими используются, чтобы подчеркнуть свою уникальную местную идентичность с сохранением при этом лояльности российскому государству. На переднем крае данной тенденции находится Татарстан; далеко продвинулась в данной области и Якутия-Саха. Многочисленные местные вариации сформировались также в Башкортостане, Бурятии, Туве, Калмыкии и т.д.

Существует множество темпоральных вариаций нео-евразийства, связанных с эволюцией данной концепции за последние два десятилетия. В начале 90-х их роль в основном сводилась к попыткам компенсации развала Советского Союза; фактически, на фоне внезапной фрагментации постсоветского пространства они подчеркивали единство этого пространства, избегая при этом отсылок к коммунистическому прошлому. В 2000-х годах оригинальность нео-евразийских идеологий оказалась подорванной в связи с реабилитацией Кремлем советского прошлого в качестве ключевого общего знаменателя российского общества, а также в связи с нарастающей ностальгией по временам позднего СССР. Однако затем эти идеологии вновь вернулись на сцену в связи с возникновением проекта Евразийского Союза. Это был довольно давний проект, который Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев начал продвигать еще в 1994 году, однако в 2011-м его обновленный в угоду современным вкусам вариант подхватил Владимир Путин.

Проект Евразийского Союза тоже является весьма многогранным. В его классическом смысле он является амбициозной программой с четкой политической целью: восстановлением некоторых наднациональных органов управления. Поддержкой эта программа пользуется в основном у Путина и Кремля; остальные страны особого энтузиазма по ее поводу не проявляют. Евразийский Экономический Союз является отдельным проектом, в котором участвуют Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и, по всей видимости, Армения. При этом с точек зрения Москвы, Минска, Астаны, Бишкека и Еревана проект этот видится совершенно по-разному. Наиболее специфична точка зрения Казахстана, поскольку там проект ЕврАзЭС имеет собственную идеологическую генеалогию, отдельную от российской и основанную на личной легитимности Назарбаева. Кроме того, собственную интерпретацию проекта имеют не только его государства-участники. Евразийская Комиссия, которая является первым по-настоящему наднациональным органом управления на постсоветском пространстве, тоже имеет собственную институциональную практику и динамику, которая часто входит в противоречие с целями государств-участников.

Евразия без евразийства?

В России термин «Евразия» получил довольно широкое распространение в силу определенного терминологического вакуума. Он легко адаптируется к переменчивому контексту и новым реалиям. Ярлыком «Евразия» удобно обозначать геополитический принцип, в соответствии с которым России принадлежит центральная роль «локомотива» всего постсоветского мира, а также право контролировать стратегическую ориентацию своих соседей. Однако тем же

самым термином можно обозначать и философский принцип, который провозглашает Россию «другой Европой». По сути это уже довольно старая идея, которая была впервые сформулирована славянофилами еще в первой половине 19-го века. В данном случае «Евразия» прежде всего является *зеркальным отражением* Европы и Запада, неким *ответом* на то, что в России воспринимается как вызов самой русскости, и *альтернативой* тому, что в России видится как тупик идеологии либерализма и всей Западной цивилизации. Наконец, термин «Евразия» имеет и третье измерение: измерение памяти, скорби и ностальгии. Посредством него российское общество может лучше понять свое имперское и советское прошлое. Оно помогает этому обществу примириться с утерянным прошлым и перевернуть исторические страницы, одновременно интегрируя эти страницы в исторический державный контекст.

Вероятно, именно способность данного термина жить на стыке разных измерений объясняет его популярность и взятие его на вооружение российскими властями. Когда Владимир Путин дал старт проекту Евразийского Союза, в своей речи он сформулировал несколько таких измерений. Он провозгласил, что реинтеграция постсоветского пространства вокруг России является «естественной» геополитической судьбой России, и что отказать стране в подобном ее историческом предназначении невозможно. Он также заявил, что Европейский Союз является успешной моделью и примером для подражания, и что Россия должна предложить аналогичную, «подобную ЕС», конструкцию для Евразии. Однако, по его мнению, России также следует все более активно вовлекаться в дискурс, подвергающий критике либеральные принципы, и призывать Европу вспомнить о своих «истинных» (т.е. консервативных) ценностях. Наконец, Путин придал новый импульс уже существующей тенденции к реабилитации советского и, в несколько меньшей степени, имперского прошлого России в надежде на то, что гордость россиян за свою страну и ее наследие выразится, среди прочего, в укреплении поддержки его собственного режима.

Так какова же роль евразийства в такой Евразии? В начале 90-х были переизданы крупными тиражами работы отцов-основателей идеологии евразийства, таких как Николай Трубецкой и Петр Савицкий. Вместе со всеми остальными великими авторами «серебряного века» русской литературы они были реинтегрированы в национальный пантеон – однако их труды пользуются весьма ограниченным академическим успехом. В кремлевских кругах предпочитают цитировать консервативных мыслителей с четкими политическими посылами – например, Константина Леонтьева и Ивана Ильина. А вот мыслители-евразисты в списках обязательных к прочтению книг у кремлевских пиар-гуру не числятся. В автономных республиках РФ, а также в Казахстане академические круги, интересующиеся работами Гумилева, придают намного больше значения его концепциям «этноса» и «пассионарности», чем евразийства; при этом труды отцов-

основателей евразийства там тоже не пользуются особой популярностью. Дугин в намного большей степени позаимствовал весь свой репертуар у немецкой консервативной революции, а также у французских и итальянских «Новых правых», чем у евразистских кругов российской эмиграции. Что же касается высокопоставленных чиновников во главе институций Таможенного Союза и Евразийского Союза, то они черпают вдохновение из основополагающих европейских текстов – в т.ч. из трудов Жана Моне - а также из пекинской риторики о гармоничном развитии по-китайски, а вовсе не из идеологии евразийства.

Общие корни, разные проекты

Евразийство и проект Евразийского Союза имеют общее видение гибкости и непостоянства термина «Евразия». Они оба склонны к смешению понятий Евразии как пространства, где исторически доминирует Россия, и как общего Евроазиатского континента. При этом они зачастую объединяют эти дефиниции, когда пытаются продемонстрировать критически важную роль строго очерченной Евразии в рамках более широкой Евразии. Кроме того, в их представлении территория Евразии более или менее соответствует территории бывшего Советского Союза, с некоторыми добавлениями и исключениями. К примеру, все они считают, что государства Прибалтики относятся к Европе, а не к Евразии. Евразисты также обычно включают в рамки Евразии Монголию, но исключают Южный Кавказ, в то время как проект Евразийского Союза стремится удержать позиции на Южном Кавказе, не особо интересуясь Монголией.

В обоих случаях существует основная группа евразийских стран – Россия и часть территории Украины и Казахстана – которые представляют собой историческое взаимодействие между славянским миром и миром степей. В обоих случаях Украина рассматривается как разделенная страна, разлом в которой проходит по «цивилизационной» линии между Европой и Евразией. При этом считается, что восточная Украина является частью Евразии, а западная движется в сторону Европы. К этой основной группе могут добавляться концентрические круги других государств, однако они играют второстепенную роль. К ним относятся оседлые и преимущественно исламские государства Средней Азии, а также христианские Армения и Грузия. К третьему концентрическому кругу стран, расположенных за пределами четко очерченной Евразии, но являющихся потенциальными партнерами по евразийскому проекту, евразисты традиционно относят Иран и Японию, в то время как Евразийский Союз в качестве партнеров и участников зоны свободной торговли предпочитает видеть Вьетнам, Сирию и Египет.

Тем не менее, на этом сходство между русским евразийством и Европейским Союзом заканчивается. Чем глубже мы анализируем содержание Евразийского проекта в плане политических ценностей и экономической политики, тем

очевиднее становится критический диссонанс. Евразийский Союз совершенно ничего не заимствует у (нео-) евразийства в своем определении политической и экономической стратегии для региона. Ни один официальный российский текст на тему Евразийского Союза не упоминает евразийство в качестве идеологии. Со времени становления Евразийского Экономического Союза Дугин так и не получил никакого официального статуса. Он не является членом Общественной Палаты; более того, после начала украинского конфликта он даже лишился своей должности в МГУ.

Выводы

Концепция евразийства зародилась намного раньше, чем идея создания Евразийского Союза. Она имеет свою собственную интеллектуальную генеалогию, и ее доктрины не взяты на вооружение Кремлем. Евразийство относится преимущественно к сфере метаполитики и функционирует независимо от политического проекта нынешнего режима, который гораздо более прагматичен и базируется на других предпосылках. В этой связи евразистское движение постигла довольно странная участь; оно внесло свой вклад в формирование российской интеллектуальной жизни в 20-м веке, однако в настоящее время оно одновременно является и по-прежнему актуальным, и в каком-то смысле забытым. Чем больше «Евразия» становится частью российского общественного дискурса, массовой культуры и государственной идеологии, тем больше забывается идеология ее евразистских отцов-основателей. В этой связи стоит уделить более пристальное внимание генерации идей, их агентам, а также местам их производства. Необходимо изучить практику применения терминов и их операционализацию, прежде чем идти по легкому, но непродуктивному пути смешения метаполитики и государственных стратегий.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке. www.ponarseurasia.org